

V. С. Севастьянова

**«ГЛЯДИ В ХОЛОДНОЕ НИЧТО...»:
ТРАГЕДИЯ ПОЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВСЕЛЕННЫХ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МОДЕРНИЗМА
(А. Блок, Ю. Балтрушайтис, В. Брюсов)**

В статье освещается важная проблема поэтики и мировоззрения русского литературного модернизма: художественное воплощение идей истины и познания. Как демонстрирует автор статьи, в поэзии русских модернистов тема поисков истины неразрывно связана с идеей не-существования мира и человека. Результатом исканий становится выход в не-бытие, передаваемый мотивами падения в бездну, воссоединения с божественным ничто, растворения в пустоте, погружения во мрак.

Ключевые слова: модернизм, художественная вселенная, истина, бытие, не-бытие, познание.

V. Sevastyanova

**«LOOK AT THE COLD NOTHING...»:
THE TRAGEDY OF COGNITION IN THE ARTISTIC UNIVERSES
OF RUSSIAN LITERARY MODERNISM
(A. Block, J. Baltrushaitis, V. Bryusov)**

This article gives an overview of an essential problem of poetics and ideology of the Russian literary modernism: art embodiment of the ideas of truth and cognition. It is demonstrated that the theme of the search for truth in the poetry of Russian modernists is inextricably connected with the idea of non-being of the world and man. The result is the declared going into non-being by means of falling into the abyss, reunifying with the divine nothingness, dissolving into the void and immersing in the darkness.

Keywords: modernism, the artistic universe, truth, being, non-being, cognition.

Поэты русского модернизма имели различные представления о том, что есть истина. Одним она казалась той стихией чуждой, запредельной, зачерпнуть хоть

каплю которой должен был художник. Для других же была пустотой, открывающейся под сорванными покрывалами. Но на всех дышало пустое пространство.

Всем становилось холоднее. На всех наступала все сильнее и больше ночь [4, с. 515]. И каждый понимал:

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия.

[4, с. 215]

Когда-то было предельно ясно: философ познает бытие и истину, а несуществующее познать нельзя. Теперь же поэты убедили себя в том, что подлинная святость пребывает лишь в истине, существующей вне жизни, а также в не-бытии. И если мыслители древности верили, что из ничего ничто не может возникнуть и ни одна вещь не может превратиться в ничто, то русский поэт законом всякого явления положил претворение *небытия* в бытие, и бытия в *иное небытие*.

В построения русских поэтов-модернистов идея истинности не-существования проникает в первую очередь как идея спасения и избавления, выхода из бытия; как своего рода нирвана, которая «одна только остается перед нами, когда с уничтожением воли и страдания исчезает и мир» [12, с. 212]. И история не-бытия в русской литературе начинается с «гипнотического ощущения Ничто, покоя, глубочайшего сна, безболезненности, которые принимались страждущими и вконец разочарованными людьми за высшее благо, за нечто бесценное» [9, с. 109]. «Когда исчезнет последняя искра воли и с нею тело, которое она животворит, то вместо непрерывного стремления, вместо постоянного перехода от желания к страху и от радости к страданию, вместо никогда не удовлетворяемой и никогда не замирающей надежды, в чем и проходит сон жизни, — верят художники, охваченные буддийским настроением, — вместо всего этого нам предстанет глубокий покой и мир, который выше всякого разума» [12, с. 42]. Покой не-бытия заме-

нит «обман жизни», избавит от страданий, слез и борьбы, от разочарований и неудовлетворенности, которые доставляются предметами неисполнимых и нескончаемых желаний:

Мой дом, мой кров — безлюдная безбрежность
Земных полей,
Где с детским плачем сетует мятежность
Души моей, —

Где в лунный час, как ворон на кургане,
Чернею я,
И жду, прозревший в жизненном обмане,
Небытия!

[2, с. 1806]

Ведь будучи полностью умиротворенными, не горюя и не радуясь, можно испытать подлинное блаженство — «то несокрушимое упование и ту ясность, которые... есть целое и несомненное Евангелие» [12, с. 118]. Можно насладиться «небытием бытия», когда нет ни прошлых, ни грядущих дней и можно не мыслить и не желать.

Однако «буддийское» истолкование не-существования явилось лишь начальным этапом в осмыслении темы. И в художественных творениях Серебряного века постепенно сформировался образ некоей положительной величины (тьмы, бездны), схожей с неоплатоническим Божественным Ничто, которое «есть все во всем», которому «принадлежит абсолютное совершенство, абсолютное единство, неизменность, неограниченность» и которое «остается в то же время недоступно нашему разуму и пониманию в своем существе» [6, с. 122]. В изменившихся обстоятельствах уход в не-бытие представлялся не насыпанием, не самоуничтожением, а дорогой вверх, в горные высоты. Мотивы угасания, умирания, бесследного растворения в извечной, роковой бездне дополнились строками о просветлении — блаженстве, доставляемом не исчезновением, а сближением с изначальным и созерцанием высших, звездных сфер:

Звездным миром ночь дохнула...
Средь смолкающего гула
В лунном поле я брожу...
И, склоняясь сам к покою,
С просветленною тоскою
В дали звездные гляжу...

[2, с. 1853]

Тому, кто желает философствовать о не-
сущей единой первопричине, еще Плотин
предложил придерживаться следующего
пути: «так как цель стремления — абсо-
лютно единое, и предмет искания тут пер-
вое начало и благо, то не следует отдалять-
ся от высшего порядка вещей и ниспадать в
низший; напротив, всецело отрешившись
от низших, чувственных вещей, должно
направить свой ум к тому, что занимает
высшее, первое место, и, устремляясь к
благоу, очиститься от всякого зла. Чтобы
созерцать начало и единое, следует в самом
себе найти начало, самому из многого
стать единым» [10, с. 73]. Подобным обра-
зом и действуют устремившиеся к «благоу»
герои русской модернистской поэзии. Они
последовательно отрешаются от мира и от
душевных переживаний. Их ум, захвачен-
ный разверзающейся бездной, устремляется
к «сверхмирному и сверхбожественному»:

Чутко спят тополя... Онемели поля...
Раскрывается ночь бесконечная...
Звезд исполнен простор, в их лучистый убор
Наряжается бездна предвечная...

Пробуждается ум для таинственных дум...
Взор стремится в пространство безбрежное...
В тайный час тишины раскрываются сны
И смиряется сердце мятежное...

[2, с. 1829]

Отыскав в себе «единое», те, в ком
«молкнет трепет отдельный», воссоединя-
ются с вечной тайной мирозданья.

Однако чем менее значительным каза-
лось «отринутое» земное бытие всем про-
будившимся и просветлившимся, тем
меньше их «бездна» была похожа на то
Божественное Ничто, которое есть свет и
благо и «все в его единстве». И тем больше

она напоминала Мрак мистических док-
трин — тьму, «не знающую саму себя», не
принадлежащую к той области, о которой
«можно помыслить, что она есть». Чем
сильнее желалось —

Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века,
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвека
Несбыточную явь...

— тем осязатее становилось сияние не-
бытия [4, с. 264]. Душа, восходившая к
Причине, продвигавшаяся от одной ступе-
ни просветления к другой, достигала той
стадии, на которой она должна была за-
няться «темным созерцанием» — «погру-
зиться в бездонный колодезь Ничто, дабы
никакая сила не могла ее оттуда извлечь,
чтобы не обратилась она снова к вещам, а
пребывала там» [14, с. 7406].

Единение именно такого рода изобража-
ется В. Брюсовым, помещающим своих ге-
роев на лестницу, висящую над «беззвезд-
ной» тьмой:

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

[5, с. 29]

Поэт, занимающийся, по признанию со-
временников, «черной магией небытия»,
размещает свой сумрачный «исток» не в
горних высотах, а в темных глубинах [3,
с. 394]:

Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнутой бездной —
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

[5, с. 29]

Брюсовским искателям «рая», по-види-
мому, предстоит пройти путь тех мистиков,
для которых «Бог — это существо, которое
можно познать лучше всего через «ничто»
(ибо, «хоть и создала душу творческая сила
Бога, в ней, как и в нем, нет вещества»).

Ведь если нет ничего, «что бы едилило так, как однородность естества», то у души нет более близкого доступа к божественной природе, «чем вечное погружение в ничто из бытия» [14, с. 7406]:

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге, –
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье!

[5, с. 29]

Впрочем, финал намеченного пути остается открытым, так как автор от предопределенности переходит к неопределенности, и последний шаг здесь еще только предчувствуется. Как предчувствуется он и в «Неконченом здании», герои которого пребывают в ожидании падения в бездонное:

Мы бродим в неконченом здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.

[5, с. 80]

Но ситуации, представленные в двух текстах, не являются все же полностью идентичными. Если в первом случае мы читаем о тревожном предвкушении «заветного», то во втором — об оцепенелом («тупом»), безнадежном ожидании «неверного».

Все различия являются вполне оправданными в рамках так называемого брюсовского гносеологического «плюрализма», не отрицающего объективности тех или иных истин, а утверждающего «в духе плюрализма их равную истинность, хотя бы они друг друга логически исключали» [8, с. 19]. Точнее говоря, неполная достоверность уже близкой «тайны» представляется закономерной в свете того факта, что «плюрализм Брюсова предстает перед нами

как форма «бытия» идеи, лежащей в основании системы, где могут существовать взаимоисключающие истины — рационалистическая и мистическая» [11, с. 112]. Ведь именно убежденностью автора в наличии двух основных равнозначных путей познания — рационалистического и мистического — и можно объяснить ту альтернативу «паденью» в бездонное, которая вводится в следующей строфе «Неконченого здания»:

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

[5, с. 80]

Хотя лестницы и ведут пока еще по-прежнему во мрак, главная добродетель мистика — способность его души быть одинаково далекой от всех земных вещей, так чтобы «не была она ближе к одной вещи, чем к другой, оставалась неизменной в любви и страдании, в обладании и лишении, совершенно умерла для всего», утрачивает свою ценность [14, с. 7339]. Для достижения цели теперь требуется не отрешенность, а нечто диаметрально противоположное — полная сосредоточенность ищущего на себе и своих свершениях:

Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

[5, с. 81]

Для «рационального» постижения истины не нужно бродить неопределенное время в неизвестности по «шатким мосткам», не нужно падать во мрак:

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет.
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

[5, с. 81]

Мистическая бездна здесь должна заместиться четко выверенным творением человеческого разума, истина не-бытийная должна уступить место истине, остающейся в пределах сущего. И такая трансформация представляется вполне вероятной. Мысль о ней звучит и в «Замкнутых», где уже на уровне практического воплощения подтверждается возможность безопасного, устойчивого бытия, надежно огражденного от невзгод и опасностей:

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном городе. От мира оградясь...
[5, с. 103]

Новое пространство, избавленное от каких-либо перипетий, лишённое резких контрастов, в том числе световых и звуковых колебаний, —

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен...
[5, с. 104]

— оказывается как нельзя более благоприятным для совершенствования рациональных способностей. Ведь здесь имеется возможность активного, творческого воздействия на замкнутую реальность, в процессе которого вспоминаются забытые «чертежи», а вера в себя становится более необходимой, нежели вера в бездонное и бесконечное:

Из серых камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободных сил.
В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога.
[5, с. 105]

К подлинности теперь приближает не забвение всего бытийного, а постоянное воспоминание, обеспечивающее непрерывность и преемственность существования:

Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца.
[5, с. 105]

Самодостаточное единство, раскрывшееся в результате работы строгой мысли и не нуждающееся для своего существования в какой-либо поддержке извне, представляет собой достойную альтернативу «черным пропастям»:

И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.
В стремленьи ввысь, величественно смелом,
Вершилось здание свободным острием,
И было конченным, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.
[5, с. 106]

В четко организованном, отделенном от безграничных темных пространств мире имеется также и возможность, совершенствуясь, приблизиться к достижениям человеческой мысли прошедших эпох:

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны —
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
[5, с. 106]

Однако нельзя не заметить, что не только вещи из прошлого, но и вообще все бытийное воспринимается в Городе исключительно в качестве отжившего музейного экспоната. Наиболее же актуальными оказываются пустота и тишина:

И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший нож!..
А все кругом пустынно-тихо было.

Поскольку «ветрило истлело», а ветра нет, как нет и тех рук, которые могли бы прикоснуться к ножу, жаждущему действия, то и в размышления обитателя Города закрадывается ужасное сомнение: что, если его мир не живет, а гибнет, что, если он уже

погиб, и тишина, повисшая над миром, — это Тишина мертвых болот, и блуждающий по ним путник столь же близок к падению, как и искатели, спускавшиеся по ненадежным ступеням:

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что, если Город мой — предвестие веков?
Что, если Пошлость — роковая сила,
И создан человек для рабства и оков?
Что, если Город мой — прообраз, первый, малый,
Того, что некогда жизнь явит в полноте,
Что, если мир, унылый и усталый,
Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подойдя, на роковой черте?
[5, с. 107]

А за «роковой чертой» уже поднимается страшный результат рационалистического поиска:

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по числам,
Обязан жизнию (машина из машин!)
Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли последний сын!
[5, с. 107]

Логически выверенный плод новой мечты оказывается едва ли не более враждебным по отношению к своим обладателям, чем тьма, подстерегавшая их на пути самоотречения. Механизированный монстр является также и пределом всех возможных устремлений (Город — последнее, что может быть сотворено на земле). И в этом своем свойстве он сближается со своей противоположностью — бездной мистиков. Ведь пустота (ранее только обозначившаяся при описании замкнутого пространства) теперь характеризуется как пустота последняя, весьма схожая с последней природой Эриугены — концом творения и бытия как такового:

Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,
Их думы, сжатые познанием, их мечты,

Мечтам былых веков подвластные, как тени,
Весь ужас переставшей пустоты!
[5, с. 107]

Наметившееся сходство станет еще более очевидным, если обратить внимание на развернутое описание «переставшей пустоты», данное в стихотворении о тех «счастливых», которыми должны ощущать себя постигшие истину «замкнутые»:

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла;

Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени,
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, ничей,
Но общий дар идущих поколений.
[5, с. 115]

«Дар», о котором здесь сообщается, на самом деле является очень сомнительным, так как в словах о «ничейности» мира подчеркивается не столько отсутствие у мира «хозяина», сколько перспектива отсутствия мира вообще — мечта о том, чтобы последнего попросту *не было*. Участь «поколений», принимающих такой подарок, является predeterminedенной еще и потому, что (как и его прообраз из «Замкнутых») инобытие, в котором идти некуда и незачем, ибо здесь все уже достигнуто и постигнуто —

Разоблаченных тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знания,
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья...

— это уже «почти *ничто*», где «нет ни дней, ни смены времен», где «ничто не приходит и не уходит» [1, с. 6755].

Правда, Брюсов предпринимает еще одну попытку разнообразить поиск. Ослабив тиски «познания», заронив в сознание своего лирического героя мечту о мире, диаметрально противоположном безжизненному стеклянному монстру и замкнутым

стенам, он заговаривает о ничем не ограниченных путях и даях:

Я забывал тюрьму меня обставших дней,
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне все громче, все ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вокруг меня, все превращалось в зов...
И раскрывались вновь торжественные дали:
Пути, где граней нет, простор без берегов!

[5, с. 108]

Однако освобождение из «тюрьмы» здесь сводится к избавлению от граней. И такое снятие преград для мысли и свершений означает не что иное, как отсутствие каких-либо границ между сферой бытия и враждебным ей началом. Так что постепенно та разнонаправленность путей, о которой пишется, например, в «Искателе» («Что я увижу? Что узнаю? / Как примут тишину мечты? / Как будут радоваться маю, / Встречая странные цветы?»), вновь принимает характер предрешенности. Широкое пространство, оставляющее простор для «иной мечты», начинает стремительно сжиматься вплоть до того момента, когда уход в сторону от мрака становится невысказанным. И в конце пути перед странником вновь раскрывается бездна («Нить Ариадны»):

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити — нет.

И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Так что по какой бы из дорог ни шли Брюсовские искатели, и какие бы чуждые друг другу «дали» и разные «сны» перед ними ни раскрывались, каждому из них предстоит пережить одно и то же: поднимется перед ними «на поворотах темной лестницы... самое страшное лицо, воплощение хаоса и небытия» [4, с. 402]. То самое «страшное звериное лицо», которое вдруг выльется на нас из-за устоев современной культуры, наполнив нас страхом и недоумением [7, с. 3]:

Лик Медузы, лик грозящий,
Встал над далью темных дней,
Взор — кровавый, взор — горящий,
Волоса — сплетенья змей.

[5, с. 86]

Таким образом, каждая из известных поэту «истин» (и мистическая, и рационалистическая) оказывается истиной внебытийной. И все предложенные Брюсовым пути познания (как ставка на «гений свой», так и покорное самозабвение) сходятся в одной и той же точке:

Это — хаос. В хаос черный
Нас влечет, как в срыв, стезя.
Спорим мы иль мы покорны,
Нам сойти с пути нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин Блаженный*. Сочинения // *Философия от античности до современности*. [Электронный ресурс]. М.: Директмедиа Паблишинг, 2005.
2. *Балтрушайтис Ю.* Стихотворения // *Русская поэзия*. [Электронный ресурс]. М.: Директмедиа Паблишинг, 2004.
3. *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994.
4. *Блок А.* Избранное. М., 1995.
5. *Брюсов В. Я.* Стихотворения. Поэмы. М., 1989.
6. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
7. *Лопатин Л.* Современное значение философских идей кн. С. Н. Трубецкого // *Вопросы философии и психологии*: Кн. 131 (1). М., 1916.

-
8. Максимов Д. Е. Поэтическое творчество Валерия Брюсова // Брюсов В. Стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 5–28.
  9. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
  10. Плотин. Избранные трактаты: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
  11. Слободнюк С. Л. Идущие путями зла (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). СПб., 1998.
  12. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1992.
  13. Шпенглер О. Закат Европы // Философия от античности до современности. [Электронный ресурс]. М.: Директмедиа Паблишинг, 2005.
  14. Экхарт М. Сочинения // Философия от античности до современности. [Электронный ресурс]. М.: Директмедиа Паблишинг, 2005.

REFERENCES

1. Avgustin Blazhennyj. Sochinenija // Filosofija ot antichnosti do sovremennosti. [Elektronnyj resurs]. M.: Direktmedia Publishing, 2005.
2. Baltrushajtis Ju. Stihotvorenija // Russkaja poezija. [Elektronnyj resurs]. M.: Direktmedia Publishing, 2004.
3. Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie. M., 1994.
4. Blok A. Izbrannoe. M., 1995.
5. Brjusov V. Ja. Stihotvorenija. Pojemy. M., 1989.
6. Bulgakov S. N. Svet nevechernij: Sozercanija i umozrenija. M., 1994.
7. Lopatin L. Sovremennoe znachenie filosofskih idej kn. S. N. Trubeckogo // Voprosy filosofii i psihologii: Kn. 131 (1). M., 1916.
8. Maksimov D. E. Poeticheskoe tvorcestvo Valerija Brjusova // Brjusov V. Stihotvorenija i poemu. M., 1989. S. 5–28.
9. Nitsche F. Sochinenija: V 2 t. M., 1990. T. 1.
10. Plotin. Izbrannye traktaty: V 2 t. M., 1990. T. 2.
11. Slobodnjuk S. L. Iduschie putjami zla (drevnij gnosticizm i russkaja literatura 1890–1930 gg.). SPb., 1998.
12. Shopengaujer A. Izbrannye proizvedenija. M., 1992.
13. Shpengler O. Zakat Evropy // Filosofija ot antichnosti do sovremennosti. [Elektronnyj resurs]. M.: Direktmedia Publishing, 2005.
14. Jekhart M. Sochinenija // Filosofija ot antichnosti do sovremennosti. [Elektronnyj resurs]. M.: Direktmedia Publishing, 2005.

О. М. Мартынова

«ABSURDA COMICA, ИЛИ ПЕТЕР СКВЕНЦ» А. ГРИФИУСА И «СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ» У. ШЕКСПИРА. К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СХОЖДЕНИЙ

Рассматривается вопрос о влиянии пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь» на комедию Грифиуса «Absurda Comica, или Петер Сквенц» и приводятся различные точки зрения на эту проблему в зарубежном литературоведении. Доказывается, что, несмотря на аналогичные с комедией Шекспира черты, пьеса Грифиуса демонстрирует творческий подход к знаменитому античному сюжету. Доказывается, что пьеса А. Грифиуса «Absurda Comica, или Петер Сквенц» — это талантливая сатирическая пародия немецкого поэта на известную пьесу английского драматурга, которая выказывает черты самостоятельного произведения, далекого от копирования фабулы комедии Шекспира.

Ключевые слова: комическое, театр, традиции, труппа, актер, сюжет, пьеса.